

К ИСТОРИИ ПАРАНДЖИ

В Коране среди регламентирующих жизнь правоверных предписаний есть указание, относящееся к поведению женщин вне дома, — это необходимость скрываться от посторонних взглядов, дабы избежать оскорбления (Коран, сура 24, 31; сура 33, 59). Данное положение, повлиявшее на появление специальных форм женской одежды, стало одной из важных норм мусульманской этики.

У исповедующих ислам народов была и в известной мере сохраняется до сих пор особая женская одежда, надеваемая исключительно для выхода на улицу. Она широко известна для XIX — начала XX в. Единого названия для нее нет, как нет и одинаковых форм этой одежды у различных мусульманских народов. Имеются в виду скрывающие женщину с головы до ног покрывала, сочетающиеся с покрывалами для закрывания лица. У мусульман Египта это *хабара* и *миляйя* из одного-двух кусков ткани с *буркуа* (*бурку*) для лица; у турок — *фэрэджэ* в виде халата с *яшмаком* для лица или безрукавная накидка чаршаф с пече; у персов — *чадор* вроде двойной юбки, внешняя из которых накидывалась на голову, с *рубандом* из белой кисеи или черной сеткой *пече* для лица и с добавлением шаровар с носками — *чахиур* (*чахчу*); у афганцев — *чатри* из раскошенных и густо присборенных к шапочке кусков ткани в виде балахона с отверстием для глаз, закрываемым кисеей, и шароварами с носками и т. д. Горожанки пользовались такими одеждами ежедневно, а в сельской местности они были обычно в зажиточных семьях и употреблялись при дальних поездках, выходах на базар и т. п.

Одним из лозунгов борьбы за демократизацию жизни в мусульманских странах стал отказ от ношения женщинами покрывал. Впервые демонстративный отказ от них наблюдался в Египте в 70-е годы XIX в. Подобные движения пережили все крупные исламские страны. В связи с этим внешний вид подобной одежды изменялся до такой степени, что исчезало лицевое покрывало, о чем пишет датский этнограф Х. Х. Хансен¹. В настоящее время почти повсеместно получил распространение упрощенный вариант уличного костюма — головной платок и одежда, закрывающая руки и шею. Покрывала носят преимущественно пожилые женщины, и частота их использования в отдельных странах различна.

В современных государствах Средней Азии, прежде входивших в состав СССР, тоже действовал обычай, когда женщина скрывала свои лицо и фигуру. Для этой цели существовали специальные накидки. Особой известностью пользовалась *паранджа* — покрывало женщины-мусульманки для ношения на улице. Она имела распространение преимущественно среди городского узбекского и таджикского населения. В горном Таджикистане она появилась позднее. С. П. Русайкина относит этот факт к 80-м годам XIX в.² З. А. Широкова также зафиксировала паранджу в этом регионе в ряде больших кишлаков, примыкавших к городам³. В сельской местности ее имели в некоторых семьях и пользовались при поездках в город, при выходах на какие-нибудь церемонии.

Вопрос о парандже сейчас достаточно актуален в силу активного возрождения традиционной религии, в частности ислама, на территории бывшего СССР. Впрочем, следование догмам ислама не исчезало и в советский период истории среднеазиатских республик. И в советское время свадьбы не проходили без мусульманского акта бракосочетания (*никох*), а похороны — без заупокойной молитвы (*джанназа*). Практически всех детей мужского пола подвергали религиозному обряду обрезания, оправдывая это национальной традицией. Мусульманские праздники *курбан-хаит* и *ураза-хаит*, не считавшиеся в советское время всенародными и государственными, отмечались повсеместно, но центр их празднования переместился в места культа (мазары, мечети) и в семью.

Не следует забывать, что в советский период истории в республиках Средней Азии ослабли или совсем исчезли многие атрибуты ислама. Причем сами представители высшего мусульманского духовенства ослабляли некоторые требования, предъявляемые к верующим. Например, пост в месяц Рамазан было возможно держать не целый месяц, а лишь несколько дней в начале и в конце его. Мужчины стали брить бороду и усы, носить шевелюру, ходить с непокрытой головой. В составе костюма появились галстуки и т. д. Молодые женщины в городах в свой гардероб включили платья, которые имели короткие рукава и не закрывали ног, стали стричь волосы, что особенно осуждалось старшими поколениями, и ходить без головного убора. Все это противоречило правилам поведения мусульман.

Изменения происходили постепенно. Начинались они с города, с руководящих работников административно-партийного аппарата и с молодежи и проникали в сельскую местность медленно, захватывая в основном мужскую часть населения. Такие изменения, отмечаемые в Средней Азии в советский период, наблюдались и в других мусульманских странах.

Ношение паранджи принадлежало к тем предписаниям ислама, которые перестали выполнять в советское время. Этому способствовала целенаправленная политика государства, которая предусматривала раскрепощение женщин, обеспечение им равных с мужчинами прав, в том числе в области образования, борьбу с затворничеством женщин, распространенным и особенно ревностно соблюдаемым в центрах ортодоксального мусульманства — Бухаре, Самарканде, Хиве и других городах.

Судя по свидетельствам информаторов, в XIX и начале XX в. паранджа широко бытовала в городских центрах Узбекистана и Таджикистана. В 1920-е годы, когда началась активная борьба за равноправие женщин, на улицах некоторых городов происходили массовые сожжения паранджи, и к 1940-м годам она практически вышла из употребления. В пропагандистской литературе паранджу называли символом угнетения женщины-мусульманки советского Востока. Именно как символ угнетения она и стала известна широкой публике за пределами указанных республик.

У многих до сих пор паранджа ассоциируется с женщинами всей Средней Азии, что неверно, так как в прошлом скотоводческие народы этого региона ее никогда не имели. Кроме того, неверно и представление о том, что паранджой женщины Востока закрывали лицо. Для него был *чашмбанд* — волосная сетка.

Автор данной статьи не собирается обсуждать вопрос о необходимости сохранения обычая закрывать лицо и фигуру женщины или, наоборот, отказа от него как унижающего достоинство женщины и вредного для ее здоровья — это тема особого разговора. Задача статьи — рассмотреть происхождение этого обычая и историю самой паранджи на среднеазиатской территории как воплощения в жизнь мусульманского предписания.

Паранджа привлекла внимание таких известных ученых, как Г. А. Пугаченкова, О. А. Сухарева и др. Описание ее есть в работах С. П. Русяйкиной, Г. П. Васильевой, З. А. Широковой, в разделах об одежде узбеков и таджиков в томах «Народы Средней Азии и Казахстана» в серии «Народы мира». Касался данного сюжета и автор настоящей статьи при рассмотрении халатообразных головных накидок ряда народов региона⁴.

Паранджа (узб. *паранжи**, тадж. *фаранчи*), в отличие от покрывал многих других мусульманских народов, — это широкий и длинный халат традиционного «туникообразного» покроя с широким воротником, с очень узкими и длинными ложными рукавами, закинутыми за спину и скрепленными внизу. Носили его не на плечах, а накидывая широким воротником поверх головного убора. Лицо закрывала сетка из черного конского волоса — *чашмбанд* (*чачван*, *чашван*, *чиммет*).

* Все восточные термины даны в русской транскрипции.

По сведениям О. А. Сухаревой⁵, в старину женщины носили одинаковые паранджи из бумажной синей алачи — полосатой ткани, лет по 30—40 не обновляя ее. Паранджу не шили дома, в отличие от прочих элементов костюма. Изготовлением этой одежды занимались женщины-специалистки, работавшие как по заказу торговцев, так и для частных заказчиков. Черная волосая сетка также готовилась не дома, ее делали цыгане. В Бухаре, Самарканде паранджи шили из ткани, называемой *бенарес*, в узкую черно-серую полоску и украшали тесьмой черного цвета, иногда с рисунком по подолу, полам, около ложных карманов, по вороту, на концах «рукавов».

К XX в. их стали шить из разных по качеству тканей и даже различных цветов. Паранджи молодых женщин были из цветного плюша, бархата и шелковых материй и украшались вышивкой и тесьмой белого цвета. Особенно бережного отношения к парандже не отмечалось (положение несколько изменилось, когда их стали шить из дорогих тканей). По наблюдениям О. А. Сухаревой, придя домой, ее бросали куда-нибудь в угол или затыкали за перекладину. Возможно, в этом проявлялось суеверное отношение к ней, как к чему-то, что может принести неприятности.

В обращении с паранджой соблюдался ряд неписанных правил. Так, при выходе из дома ее выносили из комнаты, а набрасывали на голову уже во дворе. Чачван же несли в руках и надевали лишь у ворот — из-за суеверного страха, что надетая дома сетка может навлечь на его обитателей несчастье из-за своего черного цвета. Гостя, едва войдя во двор, откидывала чачван, а паранджу с ее головы снимала хозяйка дома или ее домашние — это был долг вежливости. Точно так же при уходе госты кто-нибудь из хозяев набрасывал паранджу ей на голову.

В XIX в. и до 20-х годов XX в. паранджа была обязательна для женщин всех возрастов — от девушек, достигших брачного возраста, до старух. Девушки носили паранджи из красной или в бело-красную полоску ткани, а вместо чачвана — белую кисею. У живших в кишлаках (кроме женщин из зажиточных семей) паранджу заменяли летние халатики с разными наименованиями в тех или иных местностях, которые носили на голове, но без сетки. Это мог быть любой, часто детский, халат.

Не менее интересно и название этой одежды. По утверждению О. А. Сухаревой, узбекское слово «паранджи» и таджикское «фаранчи» являются искаженной формой от слова «фараджи» в значении «халат». У памирских народов, в Хуфе и Шугнane, этот термин сохранил свою первоначальную форму — фараджи, однако обозначает он не вид одежды, а способ ношения ее мужчинами внакидку.

Ориентолог Р. П. Дози⁶ в словаре арабских наименований частей одежды сообщает, что первое упоминание о фараджи как о длинной до пят верхней одежде из цветного сукна, шелка или льна с широкими и длинными рукавами, нередко украшенными шитьем и драгоценностями, встречается в источниках IX в. Возникновение ее он связывает с Египтом, откуда фараджи, согласно ибн-Батуте (XIV в.), распространяется в дальние страны.

Дози отмечает, что в Константинополе (Стамбуле) периода тюрков-османов фараджи носили также и женщины, чего не было в ту пору ни в Египте, ни в Магрибе. Персидской и среднеазиатской фараджи он не упоминает совсем. Этот термин, однако, фигурирует в среднеазиатских сочинениях XV—XVII вв. Так, в «Рашахот. Жизнеописание Ходжа Ахрара» Али ибн-Хусейна ал-Ваиз ал-Кашифи одежда под названием «фараджи» представлена как выходной праздничный халат. В. П. Вяткин на основании ряда исторических сочинений указывает, что городскую одежду ученых при Шейбанидах также составлял халат фараджи. В индийском костюме первых представителей Великих Моголов, являвшем в то время провинциальное повторение позднетимуридских мод, верхнее одеяние ученых, высших государственных чиновников, духовенства составлял халат фараджи. Вместе с тем в мемуарах среднеазиатского автора XV—XVI вв. Зайнабдина Махмуда Васифи «Удивительные события» термином «фараджи» обозначается и мужская, и женская одежда⁷.

В новое время, точнее в XIX в., слово фараджи* осталось известным в том же географическом ареале, что и в средневековье. Л. З. Будагов, автор «Сравнительного словаря турецко-татарских наречий», изданного в 1869—1871 гг., считает слово «фереджи» арабского происхождения от «фереджите», которое в Персии у кочующих племен означает мантию, накидку. В Турции это фэрэджэ, фарраджэ — верхняя женская накидка с широкими рукавами, висящим сзади воротником из сукна и бумажных материй разных цветов, кроме белого и зеленого; в Бухаре — женский халат, надеваемый при выходе из дома. Киргизское паредже, как считает Л. З. Будагов, — испорченное фередже — это особого рода женский халат (он употребляется также в Туркестане). Казанский вариант этого слова — барадже — значит шушун, верхнее женское платье вроде халата⁸.

В труде английского востоковеда-арабиста XIX в. Э. У. Лейна «Нравы и обычаи египтян в первой половине XIX в.» мы также встречаем термин «фарагийя» (в говорах египетского диалекта пятая буква арабского алфавита произносится как «г», а не как «дж») в отношении верхней одежды из полотна в мужском костюме населения Египта. Отличительной чертой ее является отсутствие разрезов на длинных, ниже кистей рук рукавах, какие имеются на верхней одежде под названием «куфтан». Носят ее в основном люди ученых профессий⁹. Эти сведения подтверждены и автором словаря по исламу Т. П. Хьюзом¹⁰, в котором термин *fağageeueh* относится к очень длинной мужской одежде, носимой в Египте лицами некоторых профессий.

В книге о народных костюмах Турции¹¹ есть сведения об одежде под названием фэрэджэ, которые относятся к XIX в. У турок одежда фэрэджэ сохранялась, в частности, у дервишей-мевлеви и носилась внакидку. Для нас интересно то, что турецкая одежда фэрэджэ известна и в качестве уличной у женщины-мусульманки. Она изготовлялась из темной плотной ткани и была плечевой одеждой с рукавами и большим откидывающимся назад воротником, что отмечает и Будагов. Ее носили с головным платком и платком яшмак из белой вуали для закрытия рта; незакрытой оставалась лишь узкая щель для глаз. В названном труде приводятся сведения о территории всей бывшей Османской империи. В большинстве областей ее мусульманки для улицы имели плечевую одежду фэрэджэ с яшмаком. В Боснии, в Сараево, она была черного цвета, и здесь не пользовались вуалью для лица. Но в ряде других областей одеждой мусульманки был *чаршаф*, кое-где сочетавшийся с черной сеткой пече для лица.

О турецкой фэрэдже XIX — начала XX в. Х. Х. Хансен сообщает, что в Турции в то время существовало два вида женской одежды для улицы. Первый — это одежда фэрэджэ из шелка или шерсти различных цветов, кроме черного: длинная с широким, висевшим на спине для красоты, воротником. Она напоминала халат, носимый «в рукава», с яшмаком из двух частей (квадратной формы вуалью покрывали волосы и лоб до глаз, треугольную подвязывали ниже глаз). Указанный вид женской одежды для улицы предназначался для женщин высшего сословия. Хансен отмечает, что он уже вышел из употребления.

Другой вид покрывала был распространен среди турецких женщин из низших сословий в городах и для крестьянок. Это чаршаф в виде безрукавной накидки с лицевым покрывалом под названием *VELO*¹². (Д. Е. Еремеев называет вместо вело пече¹³). Говоря о Сараево 1936 г., исследовательница Х. Х. Хансен называет еще покрывало под названием зар (напоминает название египетского покрывала *изар*) в виде двойной юбки, верхняя часть которой накидывается на голову. При втором посещении Сараево в 1952 г. она отметила, что клетчатый «зар» сохранился, но законодательно было запрещено черное покрывало для лица.

В наши дни слово «фараджи» (фараджийя) не исчезло из лексики народов указанного региона. Так, в Турции¹⁴ слово «ферадже» имеет два значения: верхнюю женскую накидку и верхнюю легкую одежду мевлеви (суфийский орден «пляшущих дервишей»). В персидском словаре¹⁵ *фарādжи* означает белую

* В словах «фараджи», «фараджийя» в разных языках и словарях своя огласовка.

зимнюю одежду из овечьей шерсти с отверстиями под рукавами. У семиреченских уйгуров *пэрэджэ* — просторный халат с длинными рукавами, а в мужском комплексе — парадная верхняя одежда ¹⁶. Есть это слово и в современном арабском словаре в значении «верхнее широкое платье» ¹⁷.

Итак, приведенный материал свидетельствует, что слово «фараджи» (фараджийа), как в прошлом, так и в настоящем нигде не означает головной уличной накладки женщины-мусульманки, кроме Средней Азии. И даже в Турции, являясь уличной одеждой мусульманки, одежда *фэрэджэ* носилась как плечевая. Эти данные говорят о том, что узбекско-таджикская паранджа в качестве уличной головной накладки мусульманки не привнесена в Среднюю Азию арабами — носителями ислама — в период их завоевательных походов сюда в VIII в., хотя слово «фараджийа», скорее всего, арабского происхождения.

Если бы арабы были авторами этого вида одежды, можно было бы ожидать одних и тех же форм и названий таких накидок у разных исповедующих ислам народов, чего в действительности нет. Значит, возникала она на основе местных форм одежды, но под влиянием исламских традиций. В арабских странах женские уличные покрывала отличались от паранджи и имели иные названия.

В работе Э. Лейна имеется подробное описание уличной одежды мусульманки Египта первой половины XIX в. из разных социальных групп населения. Выходя из дома, женщины из высшего сословия надевали большой просторный балахон (*туб*, или *сабля*) из розового или сиреневого шелка; на лицо набрасывали покрывало из белого муслина — *буркуа*, закрывавшее все лицо, кроме глаз, и свисавшее почти до ступней. Поверх этого замужняя женщина укутывалась с головой в состоявшую из двух полотнищ *хабару* из блестящего черного шелка. Незамужние женщины носили *хабару* из белого шелка, шаль или же так называемый *изар* — кусок белого миткаля.

Простолюдинки имели *буркуа* из грубого черного крепа. На верхнюю его часть нередко нашивали фальшивый жемчуг, маленькие монетки, плоские украшения из золота, коралловые бусинки, медные или серебряные кисточки по углам. Поверх *туба* женщины набрасывали нечто вроде пледа, состоявшего из двух полотнищ хлопчатобумажной ткани в сине-белую клетку или в полоску с примесью красной нити на концах. Такое покрывало называлось *миляйя*.

Следует отметить, что покрывала в Египте носили в основном горожанки, и в первую очередь из высших сословий, а женщины из низов могли вообще не закрывать лица, даже в Каире. Среди последних считалось необходимым закрывать верхнюю часть головы и затылок ¹⁸. Бурку и *хабару*, наряду с другими покрывалами, упоминает и П. Хьюз ¹⁹. О *миляйе* и *хабре* (хабе) в XIX — начале XX в. в Египте говорит также упоминавшийся выше датский этнограф Хансен ²⁰. Она приводит и другие названия накидок, например, *бирдех* у феллахов долины Нила и др.

В книге о традиционном костюме Палестины ²¹ представлен ряд областных разновидностей современных лицевых покрывал под названием бурку, закрывающих лицо (кроме глаз) и грудь женщины. На плечи наброшена безрукавная накладка из тяжелой темной или белой ткани с вышивкой. Лицевое покрывало бурку носят и женщины у бедуинов. Их бурку — короткие, закрывающие лицо и шею, — бывают из материалов разных цветов и украшены мелкими монетами, пуговицами, бусинами и т. п. По словам жителя Палестины У. Манасры, у арабов Арабского эмирата, в Саудовской Аравии *борка* из черного материала служит исключительно для закрывания лица. Накладка на фигуру в виде белого платка в Палестине, Иордании, Сирии носит название *хырке* ²². Словом, лицевое покрывало буркуа (бурку) характерно для всего арабского мира, но покрывала для фигуры женщины различаются и конфигурацией, и материалом, и названием.

В современном словаре арабского языка слово «буркуа» переводится как покрывало, занавес, даже чадра ²³. Это слово известно и в персидском языке — *бóрга* — в значении вуаль, покрывало ²⁴. В турецком языке *бюргю* означает платок, шаль, тонкая занавеска ²⁵. Оно усматривается в узбекском глаголе «буркан-

мок» (возвратная форма от *бурмамок* — закутываться, облачиться, покрываться, накидывать что-либо на голову) и в названии свадебного покрывала киргизов — *буркончок*. Верхняя накидка, скрывающая лицо и фигуру — *буркха*, носимая мусульманками, есть в Индии и Пакистане.

Слово «бурку» включается в название свадебной накидки четырехугольной формы у ногайцев — *буъркеншик*, набрасываемой на голову невесты поверх платка во время переезда в дом жениха и при исполнении некоторых свадебных церемоний. У ногайцев были *буърконшики* и в виде балахона²⁶. Свадебное покрывало перкенчик известно также у чувашей²⁷.

Таким образом, арабское слово «буркуа» нашло свое место в терминологии костюма женщин-мусульманок многих народов в целом со значением «закрывать». Что же касается термина «фараджи» (фэрэджэ), то он только в Средней Азии и в Турции относится к одежде женщины-мусульманки, скрывающей ее фигуру от посторонних взглядов. Одежда под этим названием, широко известная на Востоке, в Турции претерпела такое же изменение, что и в Средней Азии, — от парадной в период средневековья к специфической, связанной с религиозными нормами ислама, уличной одежде в новое время. В Средней Азии фараджи эволюционировала: из плечевой одежды превратилась в головную накидку с черной сеткой для закрывания лица. С чем это связано, мы попытаемся рассмотреть ниже.

Покрой и название паранджи свидетельствуют о происхождении ее от парадной верхней одежды типа халата под наименованием *фараджи* (фараджийа). О. А. Сухарева²⁸ связывала происхождение ее исключительно с мужским халатом под названием фараджи, поскольку эта одежда имеет воротник и некоторые другие признаки мужского халата. Но у туркмен известны и мужские безворотниковые халаты. Туркменские же женские халатообразные накидки *пюренджек*, *чырпы*, как и каракалпакское *жегде*, образовавшиеся из халатов, имеют широкие расшитые воротники. Маленький кусочек тесьмы под рукавом накидки-паранджи, видимо, не обязательно должен считаться признаком мужского халата, вопреки мнению О. А. Сухаревой. Он говорит скорее о существовании на этом месте некогда отверстия для продевания рук. А это свидетельствует о том, что такие халаты могли носить внакидку. Такая практика известна у многих народов Средней Азии как в мужском, так и женском костюмах.

Положение О. А. Сухаревой о происхождении паранджи из мужского халата нам кажется недостаточно убедительным и потому, что существовала и женская одежда под тем же названием. Главное, на наш взгляд, заключается в том, что исследовательница рассматривала этот вопрос изолированно, не вдаваясь в историю головных накидок в виде халата у других народов Средней Азии. Между тем, головные накидки в XIX — первой половине XX в. входили в комплекс традиционного костюма, неся на себе возрастные отличия в материале и в вышивке, и не считались, так сказать, знаком принадлежности к мусульманству, хотя в появлении манеры носить накидки на голове ислам на определенном этапе, видимо, сыграл некую роль.

Речь идет о имевшихся только в Средней Азии халатообразных головных накидках туркмен, каракалпаков, узбеков и таджиков. Они были в повседневном употреблении и входили как важный элемент в костюм невесты и праздничный убор молодухи до рождения одного, позднее нескольких детей, т. е. имели и ритуальную, и социальную функцию. К настоящему времени эта одежда вышла из повседневного костюма у большинства населения региона, хотя используется в свадебной и других церемониях.

Здесь уместно обратить внимание на то, что паранджа являлась не только уличной одеждой мусульманки, но имела также и ритуальные функции. Она была также обязательной в свадебном церемониале — невесту при перевозе в дом жениха и во время обряда мусульманского бракосочетания покрывали паранджой с белой кисеей на лице. Паранджу надевали, идя на свадьбу, похороны и другие церемонии. Обычай укрывания невесты жив и сейчас, но паранджа может быть

заменена другими покрывалами. Таким образом, паранджа имела те же функции, что и названные выше головные халатообразные накидки ряда народов Средней Азии.

Остановимся подробнее на халатообразных накидках. Внешний вид их — по крою традиционный халат — не оставляет сомнения в том, что они развились именно из плечевой распашной одежды, с чем согласны все исследователи народного костюма Средней Азии. Названия эти накидки носят по большей части такие же, как и их прототип — халат. Еще более убеждает в этом то, что некоторые разновидности накидок совмещают функции как плечевой, так и головной одежды; другие же на глазах этнографов из легкого летнего халатика превратились в головную накидку, украшаемую вышивкой, например, курте у жителей центральных районов Туркменистана. Это же подтверждает соблюдаемый женщинами обычай накидывать на голову любой халат при выходе из дома у узбеков, таджиков и туркмен. Подробно этот вопрос рассмотрен нами в специальной работе²⁹.

Наиболее интересны среди головных халатообразных накидок те, у которых рукава деформировались настолько, что непригодны для использования по назначению (они очень узкие и длинные или заканчиваются в виде острого угла). Их характерной особенностью является почти сплошная вышивка по стану. В эту группу накидок входят накидки туркмен — пюренджек и чырпы, каракалпакское жегде из комплекса старушечьей одежды — *ак-жегде* и узбекско-таджикская паранджа, правда, утерявшая вышивку и другие украшения, упоминавшиеся в средневековых источниках.

Столь сильная деформация рукавов не могла произойти очень быстро. Следовательно, можно предположить, что прототипами таких накидок могли быть старинные виды одежды с рукавами, уже утратившими свое прямое назначение. Одежды с ложными или откидными рукавами известны по изобразительным материалам предшествующих времен.

Современные этнографические данные, в сопоставлении с археологическими свидетельствами с территории Средней Азии в виде терракотовых статуэток, датирующихся первыми веками до или после нашей эры, серебряных блюдец с мифологическими сюжетами, раннесредневековых росписей архитектурных сооружений, позже — среднеазиатско-персидских миниатюр, позволяют прийти к заключению, что далекими прототипами головных халатообразных накидок могли быть ритуальные одежды, связанные с культом плодородия ираноязычного населения среднеазиатских цивилизаций древности. На генетическую связь паранджи с накидками богинь плодородия впервые указала известный искусствовед и археолог Г. А. Пугаченкова³⁰. Для выявления генетической связи рассматриваемых накидок с ритуальными одеждами богинь плодородия опишем их внешний вид и функции.

В XIX и начале XX в. накидки являлись обязательной частью костюма невесты и молодухи, соответствовавшего тому важному периоду в жизни женщины, когда принявший ее род сохранял надежды на свое продолжение. Накидки готовились для приданого и обычно надевались в первый раз, как и специальный головной убор, во время свадебных церемоний. У западных и северных туркмен-иомутов³¹ свадебным головным убором была *хасава* (туркмен. *хасаба*), состоящая из высокого (до 30 см и выше), расширяющегося кверху каркаса из проклеенной мешковины или веревки. Верхняя его часть из кольцеобразно сплетенных жгутов травы, обернутых тканью, имела форму овальной корзины. Каркас покрывался красной шелковой тканью, сзади и спереди нашивались полосы черного и синего плиса или бархата со сплошными рядами серебряных или золотых бляшек разной формы, сердоликов в серебряной оправе и всевозможных подвесок, спускавшихся на лоб. По бокам были массивные подвески из серебряных цепочек. Поверх хасава накидывался халат-накидка пюренджек из зеленого шелка с ложными рукавами, скреплявшимися на спине цепочкой. Широкий и длинный воротник его имел вышивку в виде ветви со стилизованными листьями и цветами. На спине от подола до воротника прокладывались полосы из красного шелка или сукна с

Рис. 1. Чырпы

нашитыми мелкими серебряными бляшками, ими часто изображалось дерево или куст с пятью-шестью отходящими в стороны ветками. Этот головной убор дополнялся *неш-курпе* для закрывания лица, украшенным растительным узором по красному шелку.

В свадебный костюм невест туркмен-текинцев входил головной убор *борик* и халатик-накидка чырпы из плотного или тонкого домотканого шелка темно-зеленого цвета (желтого — для пожилых, белого — для старух). Лицевая сторона халатика-накидки покрывалась сплошной вышивкой. Чырпы имел множество композиций растительного характера, а также солярных знаков и выделялся красным цветком тюльпана (*пытда*). В Средней Азии он связывается с культом божества умирающей и возрождающейся растительности, природы. Есть даже праздник под названием «Лола» («Тюльпан»), известный среди таджикского населения Ферганы. Цветок тюльпана здесь выступает как символ плодородия.

По данным туркменского этнографа А. Байриевой, в орнаментальных мотивах вышивок на чырпы встречается изображение граната с трилистником наверху — атрибутом среднеазиатской богини плодородия³². Таким образом, мотивы вышивок чырпы недвусмысленно ассоциируются с аграрными культами.

Текинский *борик* по внешнему виду был близок хасаवे. Это также каркасный убор с верхом полусферической формы или расширяющимся в высоту, сплетенный из соломы и травы. Каркас обтягивался красным или зеленым шелковым платком, концы которого спускались на спину. Спереди борик украшался массивными пластинами, фигурными бляшками с сердоликами, подвесками и цепочками. На борик был похож и головной убор туркменок «племени» сарык. Так

же, как и иомутскую хасаву, борик и *топбы* молодые женщины начинали носить после возвращения из кайтармы (обычай возвращения в родительский дом) в дом мужа, а после рождения первого ребенка надевали обычный женский головной убор. Символично, что на наиболее старинных чырпы в вышивке есть изображения свадебного поезда с верблюдами и джигитами на конях и т. п.³³

Каракалпакская накидка ак-жегде из белой домотканины с вышивкой крестом, сделанной нитками главным образом красного цвета, в XIX в. входила в костюм пожилых женщин. Относясь к более древней каракалпакской одежде, она некогда была одеждой невест и молодых³⁴. Геометризированные за счет вышивки крестом орнаментальные мотивы ак-жегде на одних одеждах напоминают стилизованные цветочки, расположенные по ромбовидной сетке, на других — стилизованные побеги дерева. Накидка ак-жегде сочеталась со свадебным головным убором *саукеле* (каракалп. *сәукеле*). Он свидетельствует о присутствии в этногенезе каракалпаков древнеиранского компонента, связанного с кочевническим скифосакским миром³⁵.

Исторические же предания каракалпаков указывают на связи с древнейшим земледельческим ираноязычным населением Приаралья, которое являлось субстратным элементом при формировании народности каракалпаков³⁶. Не исключено, что орнаментальные мотивы ак-жегде — отражение этих связей. Небезынтересно в связи с этим, что каракалпакский костюм XIX—XX вв. украшен вышивкой не крестом по белому фону, а тамбурно-петельным швом ильме по красно-черному фону с геометрическим орнаментом, который увязывается с тюркскими этническими компонентами в этногенезе этого народа.

Свадебный головной убор таджиков и оседлых узбеков без родовых делений тоже был сложным и включал много предметов ювелирного искусства, напоминая корону. Только паранджа не донесла до наших дней своих давних украшений.

Рассмотренные выше накидки бытовали в Хорезмском оазисе (жегде), в Ахале (чырпы), в Прикаспийских областях и в том же Хорезме (пюренджек). Городские центры Среднеазиатского междуречья были местом распространения паранджи. Все это территории древнеземледельческих цивилизаций древности — Хорезма, Согдианы, Маргианы. Археологами здесь обнаружены многочисленные терракотовые статуэтки первых веков до и после нашей эры, изображавшие, по определению специалистов, местных богинь плодородия.

Несмотря на различия их внешнего вида, они имеют на голове сложные уборы, а на плечах — богато украшенные по бортам одежды. Головные уборы богинь плодородия разнообразны, но среди них есть очень похожие на туркменские хасаву и борик, а также чалму, носимую прежде оседлым узбекским и таджикским населением. Наибольшее сходство с хасавой имеет головной убор женской статуэтки из маргианской коропластики I в. до н. э. (городище Гобеклы-тепе)³⁷ и формочки для статуэтки кушанского времени (городище Афрасиаб)³⁸. Старинный головной убор текинок борик похож на головной убор парфянских статуэток Нисы III—I вв. до н. э., отождествляемых с образом среднеазиатской богини-матери³⁹.

Одежды богинь, видимо, имеют откидные рукава. Манера носить верхнюю одежду внакидку как в мужском, так и женском костюме подтверждается предметами изобразительного искусства разных эпох. Среди них — золотая мужская статуэтка ахеменидского времени; одежда с ложными рукавами из пазырыкских курганов, соотносимая с иранской традицией; персонажи стенных росписей памятников раннего средневековья Средней Азии; росписи Кириша и Хочо (Восточный Туркестан), среднеазиатско-персидские миниатюры XV—XVI вв. Этот перечень завершается этнографическими данными. Халат чабыт туркмен, халат хорезмских узбеков, свадебный халат казахов Мангышлака и другие имели разрезы на плечах или ниже для продевания рук, а манера носить верхнюю одежду внакидку у памирских народов имеет даже специальное название — *фараджи*. Возможно, так полагалось носить халат фараджи в прошлом.

Ввиду того, что сложные головные уборы и интересующие нас накидки явля-

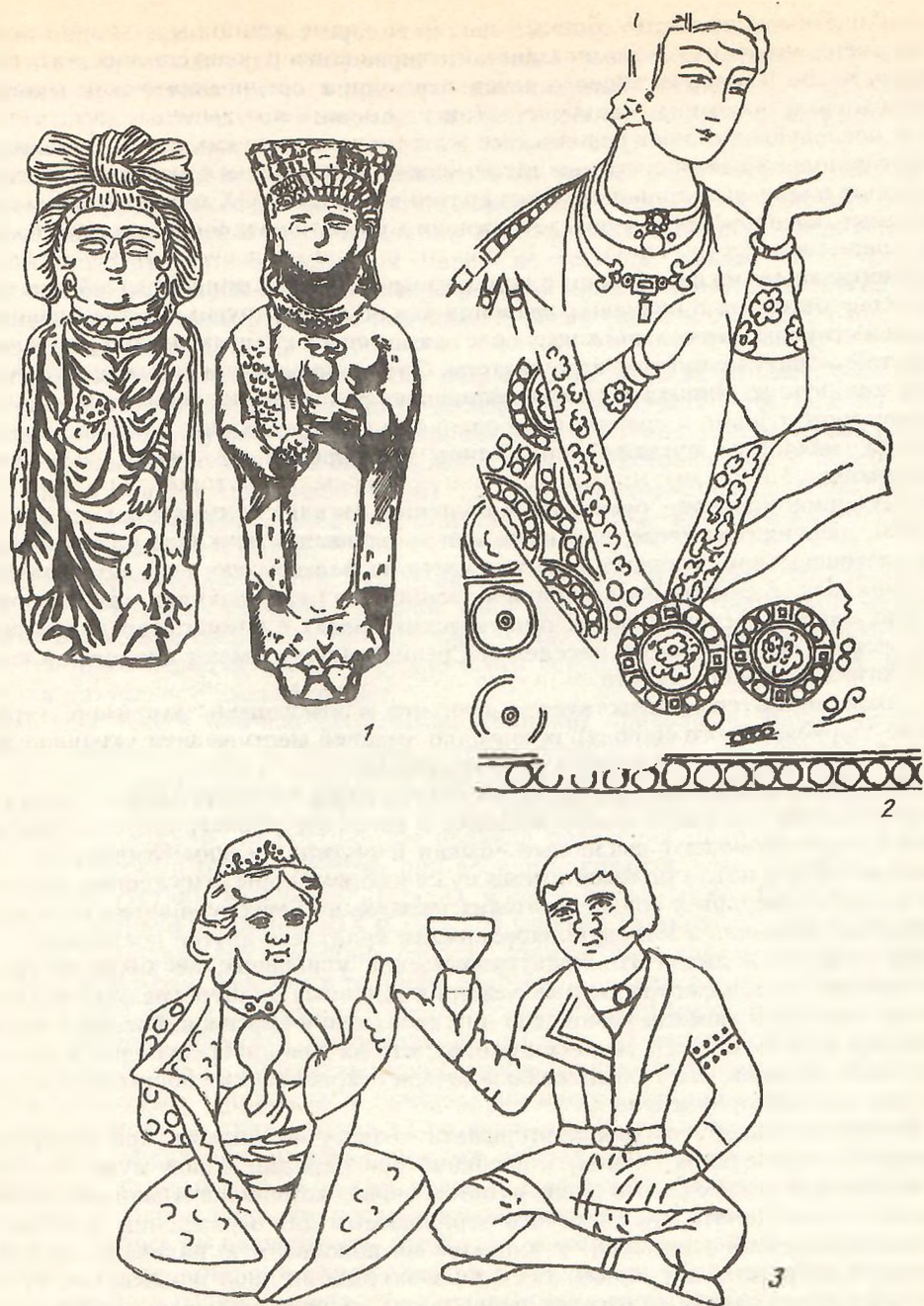

Рис. 2. Археологический изобразительный материал. Прорисовка. 1) Терракотовые статуэтки Анахит. Афрасиаб. 2) Персонаж в наряде. Пенджикент. 3) Сцена венчания царя и свадебного пира. Серебряное блюдо

ются элементами костюма терракотовых статуэток, изображающих женское божество, есть основания считать их одеждой ритуальной. Ритуальное значение таких накидок сохраняется и в последующие века: женщины в богатых накиннутых на плечи одеждах были персонажами культовых сцен в живописи храмовых сооружений раннесредневековой Средней Азии — Дильберджина (IV—V вв. н. э.), Балалык-тепе (VI в.), Пенджикента (VII—VIII вв.)⁴⁰ и на датированном археологом

Л. А. Альбаумом примерно этим же временем серебряном блюде. На нем изображена сцена «венчания царя и свадебного пира» (интерпретация сюжета принадлежит К. В. Тревер⁴¹). Завершается эта линия среднеазиатско-персидскими миниатюрами, в которых связь с культом установить не удается.

В последующем этнографическом материале представлены уже накидки в форме головной одежды, причем сохранившей ритуальные функции. Переходная форма от плечевой к головной фиксируется в накидке туркмен-текинцев чапразлы чабыт, которую носили поверх головного убора и которая сохранила разрезы на уровне плеч⁴².

Изображение на серебряном блюде сцены «венчания царя и свадебного пира» позволяет говорить о плечевых накидках как об одежде, совмещающей функции, с одной стороны, ритуального костюма, связанного с культом богини плодородия, с другой — ритуальной одежды невесты. Это положение становится понятным, если принять во внимание древнеиндийские религиозные представления (они имеют много общего с древними верованиями Средней Азии), согласно которым невеста являлась воплощением богини плодородия на земле, ее земным двойником.

Указанное значение ритуальной функции накидки сохраняется до сих пор. Чырпы, пюренджек, жегде, паранджа или их эквиваленты в виде платков, шалей и в настоящее время входят в состав костюма невесты как элемент свадебного церемониала. А символика вышивки и внешний вид этих накидок, как и головных уборов, свидетельствуют об их генетических связях с одеждой древнего земледельческого ираноязычного населения Средней Азии и имеют аналогии в костюмах богинь аграрного культа.

Такой вывод свидетельствует о том, что в этногенезе, например, туркмен (ныне тюркоязычного народа) принимало участие местное ираноязычное население, что доказывается и другими источниками.

Остается ответить на вопрос, почему ритуальная плечевая одежда стала головной накидкой для ежедневного ношения и когда это произошло? Разобраться в этом вопросе помогают свадебные обычаи и обряды, регламентирующие поведение невесты и потом молодого в доме мужа в первые годы замужества. Известно, что во время свадьбы у среднеазиатских народов на невесту, а затем в период до появления ребенка на молодую набрасывали халат или другое покрывало, с тем чтобы закрыть и лицо. Это практиковалось и у народов, не знавших обычая закрывания лица и фигуры, и у не имевших головных халатообразных накидок в повседневном костюмном комплексе — у казахов и у киргизов. Говоря о памиро-алайских киргизах, И. П. Минаев отметил, что их женщины свободны и не носят покрывал, добавив, что только жены и дочери старшин носят покрывала и проводят жизнь в затворничестве⁴³.

Во время свадебного цикла закрывать невесту полагалось при совершении обряда бракосочетания (никох) и особенно при перевозе в дом мужа. Согласно представлениям народа, это очень ответственные моменты в жизни вновь создаваемой семьи. Делать это считалось необходимым для ограждения новобрачной от действия вредоносных сил. У киргизов на новобрачную надевали свадебный головной убор *шокуло* (киргиз. *шекюле*) и закрывали лицо покрывалом буркончок. У казахов свадебный головной убор носил название *саукеле* (казах. *сэукеле*), а покрывало — *желек*. У казахов имелся и особый свадебный халат. На юге и востоке Казахстана его набрасывали невесте на голову, в других местностях — на плечи. Позднее он входил в костюм молодухи.

Обычай закрывания лица во время свадьбы известен у джемшидов и кезаре. У горных таджиков для закрывания лица существовали свадебные лицевые занавески, орнаментальные мотивы вышивки которых имели значение оберегов. Накидки в виде платка и обычай закрывания ими головы в дни свадьбы известны и народам Поволжья — башкирам, чувашам, марийцам.

У разных народов невесту покрывают шалью, шелковым платком, фатой, большим платком в роспуск, полотенцем, шерстяным платком до пояса, белым

покрывалом⁴⁴ и т. д. Побудителями таких действий были реликты религиозно-магических представлений древности, согласно которым вступающих в брак, и в первую очередь невесту (есть примеры закрывания и жениха — у туарегов⁴⁵), следует оградить от возможных действий вредоносных сил, которые грозят ей со стороны окружающих.

Особое значение придавалось закрыванию волос, поскольку не забыта их магическая функция, восходящая к представлению о связи волос с силами плодородия⁴⁶. Этим объясняется покрывание головы платком, дабы предотвратить возможность дурного воздействия через волосы на женщину — продолжательницу рода. Недаром в христианской религии предписывается покрытие головы женщины как необходимость подчинения мужу (см. Быт., XXIV; I послание коринфянам, XII, 5, 6, 10, 13 и др.).

Объектами религиозно-магического внимания были также рот, нос, уши, через которые может входить и выходить неведомая сила. Для прикрывания лица предназначались у туркмен яшмак, у арабов бурку, у турок пече, у персов рубанд и т. д. С занавесочками для прикрывания рта мы встречаемся у персонажей настенной живописи Афрасиаба (VII в.)⁴⁷, а также у современных парсов. Обычай закрывать лицо кисеей, со слов Рюи Гонзалеса Клавиho, известен в Самарканде со времен правления Тимура.

Таким образом, наличие в XIX — начале XX в. в комплексе традиционной одежды у некоторых народов Средней Азии головной халатообразной накидки связано с обычаем закрывать голову, лицо и всю фигуру женщины в некоторые ответственные периоды жизни (прежде всего вступление в брак). Этой цели и служила ритуальная одежда невест.

Вместе с тем, к обычаю закрывания женщины привели не только реликты древних верований, но и традиции первобытнообщинных институтов в виде широко известного обычая избегания, сохранившегося у народов Средней Азии в том или ином виде до наших дней. На эти два момента указал еще Н. А. Кисляков⁴⁸. Последнее положение иллюстрируют правила поведения молодых до рождения ребенка. В первый год замужества они носили накидки и дома, закрывая ими и лицо в присутствии мужчин — старших членов семьи мужа. Описание этого обычая для первой половины XIX в. есть для узбеков Ташкента⁴⁹. После свадьбы молодуха, выполняя все домашние работы, должна была ходить с наброшенным на голову *мурсаком*, бывшим в то время свадебной накидкой. Она не снимала его даже во время еды и закрывалась им от мужской родни мужа, особенно свекра, деверей, которых избегала до появления ребенка. У южной группы киргизов молодуха продолжала закрывать лицо свадебной лицевой занавеской, заимствованной у соседей — таджиков, в присутствии свекра, старших братьев мужа и всех посторонних мужчин старше ее по возрасту. В дальнейшем занавеску надевали при появлении в общественных местах, во время перекочевок на праздниках, на поминках, а также через год во время посещения дома своих родителей. Прекращалось это после рождения второго или третьего ребенка.

Здесь хотелось бы подчеркнуть, что Коран разрешал показываться женщине в традиционном костюме и в украшениях без покрывала перед некоторыми членами из мужской родни, в частности перед «отцами своих мужей» (сура 24, 31). Однако это совершенно неприемлемо в среднеазиатском обществе и дает основание отвергать влияние ислама на происхождение и бытование обычая закрывания невесток перед мужской родней мужа, т. е. обычая избегания.

Обычай закрывания лица и фигуры ритуальным халатом в определенный период жизни вступившей в брак женщины сменился обычаем постоянного пользования накидкой при выходе на улицу. У ряда народов среднеазиатского региона эта бытовая норма распространилась и на девушек. Избежали этого лишь женщины у казахов и киргизов. В закреплении традиции носить накидку сыграло свою роль, очевидно, упомянутое предписание Корана, обращенное к женщинам. Эти красивые накидки вошли в уличный костюм, ими женщины прикрывали лицо

при встрече с мужчинами. У туркмен сохранился обычай закрывать рот *яшмаком* — концом платка от головного убора.

С влиянием ислама, следует, видимо, связывать появление уличных накидок в виде халата под различными названиями у таджикского или узбекского населения, в частности у дештикипчакских групп узбеков, зафиксированных в середине XX в., например, исследованиями Б. Х. Кармышевой среди населения Самаркандской, Сурхандарьинской и Кашкадарьинской областей. Белые короткие накидки без рукавов, появившиеся уже в советское время, стали своего рода «школьной униформой» для девочек старших классов Шахриябза, но без закрывания лица.

Вхождение в традиционный костюм головной накидки объясняется не только религиозными причинами. В конце XIX — начале XX в. в силу экономических и социальных причин отодвигаются сроки выплаты калыма и возвращения молодой в дом мужа. Особенно наглядно эта тенденция проявилась у туркмен. Нечто подобное замечено и у других народов региона. За это время рождается двое-трое детей, и ношение свадебного одеяния, включающего в себя накидку, продлевается, становясь затем повседневным.

Определить точную дату появления накидок, как и самой паранджи, в повседневном костюме невозможно. Это был длительный процесс с разными сроками не только у разных народов, но даже в разных местностях среди одного и того же народа. Так как в ближайшем по времени к этнографическим материалам источнике — в среднеазиатско-персидских миниатюрах XIV—XVI вв. — не встречается изображений женщин в головных халатообразных накидках (отражена только верхняя наплечная одежда с откидными рукавами), можно предположить, что появление головных накидок относится примерно к XVII в.

Первое письменное упоминание об обычае накидывать на голову халат при выходе из дома относится к XVIII в. и принадлежит поручику И. Гладышеву и геодезисту Д. В. Муравину⁵⁰, которые в 1740—1741 гг. совершили поездку из Орск в Хиву и обратно. Они сообщили, что узбечки дельты Амударьи, выходя из дома, на голову накидывали халат чапан. А в записках русского офицера Ф. Ефремова⁵¹, побывавшего во второй половине XVIII в. в Бухаре и Хиве, читаем: «Женщины сверх платья надевают фараджи, т. е. женский халат, у которого с головы до пят рукава узкие, вместе сшитые и пущенные назад, длиною ниже икор... На лицо надевают волосные сетки, оные называют чашман». Другое сообщение о парандже этого же времени в Ташкенте принадлежит Ф. Назарову⁵².

Формирование одежды мусульманки в Средней Азии — паранджи с чачваном — процесс длительный и сложный. Появление ее, вероятно, связано с религиозным фанатизмом, усилившимся после смерти просвещенного правителя Самарканда Улугбека, и постепенным углублением влияния ортодоксального ислама в последующие века, особенно после присоединения к России. При таком взгляде на исследуемую проблему становятся понятны широкое распространение паранджи и затворничество женщин среди городского населения мусульманских центров Узбекистана и Таджикистана и отсутствие ее на остальной территории региона, даже среди сельского населения названных республик.

Почему именно парадный халат фараджи (фараджийа) послужил отправным моментом в появлении узбекско-таджикской головной накидки паранджи? Возможно, из-за того, что в период позднего средневековья он был одеждой духовенства. Но, скорее всего, потому, что термин «фараджи» в Среднеазиатском междуречье, где в новое время бытовала паранджа, в средние века и позже относился к свадебной одежде невесты, из которой развились головные накидки. Невеста же, по древним верованиям, — земное воплощение богини плодородия. Именно поэтому ее одежда ассоциировалась с культом плодородия этих мест — культом Анахиты, многочисленные терракотовые изображения которой найдены на этой территории. Отсюда генетическая связь паранджи с этим культом, нашедшим отклик в наше время.

Подводя итоги, можно констатировать, что паранджа как скрывающая фигуру

женщины-мусульманки накладка связана с исламом лишь на последних этапах своей истории и не арабы принесли ее в Среднюю Азию в таком качестве. Она развилась из местных форм одежды в соответствии с идеологическими и социальными нормами жизни среднеазиатского общества, приобретая, однако, наименование, широко распространенное на Переднем и Среднем Востоке как следствие арабского влияния на эти страны. В истории паранджи отразилась характерная черта среднеазиатского ислама в его бытовых формах — сочетание и переплетение ортодоксальных положений этой религии с остатками древних традиций, воспринимаемых сегодня как исламские.

Примечания

- ¹ Hansen H. H. The Veil of Islam//Folk. Dansk etnografisk tidsskrift. 1983. V. 25.
- ² Русайкина С. П. Народная одежда таджиков Гармской области Таджикской ССР//Среднеазиатский этнографический сб. II. М., 1959. С. 192.
- ³ Широкова З. А. Традиционная и современная одежда женщин горного Таджикистана. Душанбе, 1979. С. 82 сл.
- ⁴ Лобачева Н. П. К истории среднеазиатского костюма. (Женские головные накладки-халаты)//Сов. этнография (далее — СЭ). 1965. № 6.
- ⁵ Сухарева О. А. История среднеазиатского костюма. Самарканд (2-я половина XIX — начало XX в.). М., 1982. С. 44 сл.
- ⁶ Dozy R. P. Dictionnaire détaillé des noms des vêtements chez les Arabes. Amsterdam, 1845. P. 327—334.
- ⁷ См.: Болдырев А. Н. Очерки жизни гератского общества на рубеже XV—XVI вв.//Тр. Отдела Востока Государственного Эрмитажа. 1947. Т. IV. С. 356; его же. Алишер Навои в рассказах современников//Алишер Навои. М.; Л., 1946. С. 149.
- ⁸ Будагов Л. З. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. Т. I. СПб., 1869. С. 251, 309, 782.
- ⁹ Лейн Э. У. Нравы и обычаи египтян в первой половине XIX в. М., 1982. С. 73.
- ¹⁰ A Dictionary of islam being asyclopedia of the doctrines, rites ceremonies, and customs, together with the technical and theological, of the Muhammadan religion/Ed. Hughes T. P. L., 1895. P. 93.
- ¹¹ Les costumes populaires de la Turquie en 1873. Constantinople, 1873.
- ¹² Hansen H. H. Op. cit. P. 152—153.
- ¹³ См.: Еремеев Д. Е. На стыке Азии и Европы. О Турции и турках. М., 1980. С. 66.
- ¹⁴ Турецко-русский словарь. М., 1977. С. 294.
- ¹⁵ Персидско-русский словарь. М., 1953. С. 366.
- ¹⁶ Захарова И. В. Материальная культура уйгуров Советского Союза//Среднеазиатский этнографический сб. II. М., 1959. С. 269, 273.
- ¹⁷ Арабско-русский словарь. М., 1957. С. 753.
- ¹⁸ Лейн Э. У. Указ. раб. С. 81.
- ¹⁹ A Dictionary of islam... P. 95.
- ²⁰ Hansen H. H. Op. cit. P. 156.
- ²¹ Traditional Palestinian Embroidery and Jewelry Abed al-Samih Abu Omar. Jerusalem, 1986. P. 105—107.
- ²² Устное сообщение У. Манасры, жителя Палестины, аспиранта ИЭА РАН.
- ²³ Арабско-русский словарь. С. 80.
- ²⁴ Персидско-русский словарь. С. 66.
- ²⁵ Турецко-русский словарь. С. 138.
- ²⁶ Гаджиева С. Ш. Материальная культура ногайцев в XIX — начале XX в. М., 1976. С. 153—154.
- ²⁷ Чуваши. Этнографические исследования. Чебоксары, 1970. С. 306.
- ²⁸ Сухарева О. А. Указ. раб. С. 50.
- ²⁹ Лобачева Н. П. Указ. раб.
- ³⁰ Пузаченкова Г. А. К истории паранджи//СЭ. 1950. № 3.
- ³¹ Описание туркменских накидок и головных уборов по: Морозова А. С. Традиционная народная одежда туркмен//Традиционная одежда народов Средней Азии и Казахстана. М., 1989. С. 72, 80 и др.
- ³² Байриева А. К вопросу об истории халатообразных накидок туркмен в прошлом и настоящем//Мерв в древней и средневековой истории Востока: «Мерв древний — Мерв современный». Тез. докладов научной конференции. Мары, 1994.
- ³³ См.: Морозова А. С. Туркменская одежда второй половины XIX — начала XX в.//Занятия и быт народов Средней Азии. Л., 1971. С. 220.
- ³⁴ Лобачева Н. П. Из истории каракалпакского женского костюма. (К проблемам историко-этнографического атласа Средней Азии и Казахстана)//СЭ. 1984. № 4. С. 23, 26, 27.
- ³⁵ Лобачева Н. П. Народная одежда как источник по этногенезу. (К вопросу об этногенетических

связях народов Средней Азии и Казахстана) // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. Вып. III. Этнография. М., 1991. С. 89—90.

³⁶ См.: Толстова Л. С. Исторические предания южного Приаралья. М., 1984. С. 240—241.

³⁷ См.: Пугаченкова Г. А. Маргианская богиня // Сов. археология. 1959. Т. XXIX—XXX. С. 127.

³⁸ Мешкерис В. А. Терракоты Самаркандского музея. Л., 1962. Рис. 44.

³⁹ Пугаченкова Г. А., Елькович П. Я. Очерки истории искусства Туркменистана. Ашхабад, 1956. С. 30.

⁴⁰ См.: Кругликова И. Г. Настенные росписи в помещении 16 Северо-Восточного культового комплекса Дильберджина // Древняя Бактрия. Вып. 2. Материалы советско-афганской археологической экспедиции. М., 1979. С. 138; Альбаум Л. А. Балалык-тепе. Ташкент, 1960. Рис. 100, 102, 104 и др.; Скульптура и живопись древнего Пенджикента. М., 1959. Табл. IX.

⁴¹ Тревер К. В. Памятники греко-бактрийского искусства. М.; Л., 1940. С. 76. Табл. 18—21. К. В. Тревер датирует это блюдо I в. н. э. (с. 87). Последняя датировка его (VI в. н. э.) принадлежит Л. А. Альбауму (см.: Альбаум Л. А. Указ. раб. С. 177—178).

⁴² См.: Морозова А. С. Указ. раб. С. 194.

⁴³ Цит. по: Русские путешественники и исследователи о киргизах. Фрунзе, 1973. С. 196.

⁴⁴ Кагаров Е. Г. Состав и происхождение свадебной обрядности // Сб. МАЭ. 1929. С. 163 и др.

⁴⁵ Першиц А. И. К вопросу о происхождении туарегского мужского покрывала // История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968.

⁴⁶ Фрэзер Д. Д. Золотая ветвь. М., 1980. С. 16 и др.; Гаген-Торн Н. И. Магическое значение волос и головного убора // СЭ. 1933. № 5—6. С. 87.

⁴⁷ См.: Альбаум Л. А. Живопись Афрасиаба. Ташкент, 1975.

⁴⁸ Кисляков Н. А. Свадебные лицевые занавески таджичек // Сб. МАЭ. 1953. Т. XV. С. 310, 312.

⁴⁹ Бикжанова М. А. Мурсак — старинная верхняя одежда узбеков г. Ташкента // Сб. памяти М. С. Андреева. Тр. Ин-та истории, археологии и этнографии АН Таджикской ССР. 1960. Т. СХХ. С. 50—51.

⁵⁰ Гладышев И., Муравин Д. Поездка из Орска в Хиву и обратно в 1740—1741 гг., совершенная поручиком Гладышевым и геодезистом Муравиным. СПб., 1851. С. 68—72.

⁵¹ Ефремов Ф. Десятилетнее странствование. М., 1950. С. 28.

⁵² Назаров Ф. Записки о некоторых народах и землях средней части Азии. М., 1968. С. 51.

On the history of paranja

The author argues on the problem of the origin of paranja in Central Asia — a characteristic female clothing. The author does not agree with a rather widespread among researchers opinion that paranja was brought here during the Arab invasion as an element of a Moslem culture. She came to conclusion that paranja rooted in the local pre-Moslem agrarian cults and with times it was incorporated, in a modified forms, into the Moslem set of social norms.

N. P. Lobacheva